

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ

УДК 82–95

А. Устинов

Сан-Франциско, США

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ 100 ЛЕТ НАЗАД: ВЗГЛЯД ИЗ РОСТОВА

Статья посвящена ростовскому фрагменту биографии журналиста и писателя Владимира Ильича Рындзюна (1897–1953), более известного как писатель А. Ветлугин. Автор показывает, как факты биографии Рындзюна трансформируются в сюжетные блоки квазиавтобиографического романа «Записки мерзавца» и его мемуарных очерков, написанных в эмиграции. В приложении публикуется сопровождаемый комментариями критический обзор поэзии 1916 года из ростовской газеты «Приазовский край», демонстрирующий нестандартный взгляд Рындзюна на современную ему поэзию. Рассуждая о поэзии русского модернизма, Рындзюн оттачивал выразительный стиль своего письма, впоследствии ставший отличительной чертой очеркиста и беллетриста А. Ветлугина.

Ключевые слова: автобиография, биография, сюжет, эмиграция, Русский Берлин, Ростов-на-Дону, В. Я. Брюсов, М. А. Булгаков, С. П. Бобров, А. Н. Толстой, Первая мировая война.

Ирине Белобровцевой

Литературно-деловая карьера Владимира Ильича Рындзюна (1897–1953) оказалась гораздо более благодатным предметом для обсуждений и воспоминаний современников, чем его настоящая биография, по вполне понятным причинам: Рындзюн тщательно запутывал документальные обстоятельства, выдумывал жизненные перипетии, беллетризовал исторические происшествия, представляя и расписывая в заметках, памфлетах и книгах настоящую «творимую легенду» – сначала писателя А. Ветлугина¹, а после – продюсера Voldemar Vetlugin. Но-

---

¹ Инициал в этом псевдониме самим Рындзюном никогда не раскрывался. Использование инициала «А.» вместо ожидаемого «В.» объясняется тем, что в годы Первой мировой войны псевдонимом «В. Ветлугин» подписывал свои публикации в черносотенной газете «Земщина» и подобных изданиях известный и читаемый Василий Розанов, что отметил уже Вяч. Полонский, один из проponentов Ветлугина в Советской России: «Сейчас в парижских и берлинских кабаре много русских людей шатается без дела. Выброшенные революцией с родины, они лихом поминают прошлое. <...> Те, кто поталантливей, – ну, как могли они забыть, что русский интеллигент прежде всего должен чтить родную литературу? Эти, разумеется, взялись за перо. К последним, без сомнения, принадлежит А. Ветлу-

Устинов Андрей – доктор филологических наук, преподает гуманитарные дисциплины в Сан-Франциско; специалист по истории русской культуры XX века (abooks@gmail.com)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

© А. Устинов, 2016

Владимир Рындзюн
(Ростов-на-Дону, 1914)

вейшие жизнеописания Рындзюна [2; 3] и восстанавливаемые исследователями факты его биографии² создают иное – более ожидаемое и менее сенсационное – представление об этом человеке, в начале 1920-х годов на некоторое время подчинившего себе читающую публику «обеих Россий», если воспользоваться выражением самого Ветлугина³.

Его хлесткие памфлеты и вызывающие отклики в газетах – парижском «Общем деле», берлинских «Голосе России» и «Накануне», нью-йоркском «Русском голосе», – сопровождаемые кричащими заголовками, подвигали, в первую очередь, на разговор об авторе и лишь после становились предметом дополнительной дискуссии по тому или иному поводу, изначально послужившему толчком для ветлугинской заметки. Как недавно отметил Иван Толстой в своем телеразговоре «Ледяные глаза», Ветлугин не только поменял направление русской печати в Берлине, скорее он создал нового читателя эмигрантской периодики [6].

гин. Автору этих строк, сколько помнится, приходилось встречать аналогичное имя, но то был один из многочисленных псевдонимов В. В. Розанова. Нынешний, зарубежный Ветлугин – другой, без литературной генеалогии, просто “проходящий”, “гуляющий” человек. Я не хочу лишать его должного: у него есть “перо”. Пишет он коротко, по-газетному, в стиле стремительного фельетона французских листков, бойко и живо, и иные его слова, как затрешины. Ему нельзя отказать в таланте...» [1, с. 231–232].

² В первую очередь, здесь важны работы Ирины Белобровцевой: [4; 5] и др.

³ Полонский пояснял эту терминологию Ветлугина в вышеупомянутой рецензии: «“Своей” России у него уже нет. Всё развеяно по ветру, растрачено, – Белая Русь – Мертвая Русь. Ну, а дальше? “Красной Руси” он покуда не приемлет и мечтает о “Третьей России” <...>. Он хочет “Третьей” России. Эта была бы “своя”. Во славу ее он и строчит свои сумбурные фельетоны, из которых выглядывает нищая, голая, истерзанная душа русского беспутного интеллигента» [1, с. 233].

Роман Ветлугина «Записки мерзавца: Моменты жизни Юрия Быстрицкого», вышедший в начале мая 1922 года в берлинском издательстве «Русское Творчество»⁴, которым заведовал Алексей Толстой, был воспринят (и принят за чистую монету) современниками как автобиография «проклятого резонера», едва ли не негодяя, который исключительно вследствие откровенного цинизма, не приложил особых усилий, для того, чтобы обернуть свою жизнь в литературную оболочку. Единственное, что автор сподобился поменять, считали критики, – это имя главного, несомненно автобиографического, персонажа. Впрочем, это только способствовало успеху романа и за границей, и в советской метрополии. В частности, Татьяна Лаппа вспоминала, как ее муж Михаил Булгаков однажды принес ей этот роман на прочтение⁵.

В «Жизнеописании Михаила Булгакова» Мариэтта Чудакова поясняла, что его интерес к творчеству Ветлугина был неслучаен и «немаловажен». «Записки мерзавца» привлекли «внимание и зарубежной русской критики (Роман Гуль напечатал в “Новой русской книге” уничтожающую рецензию), и отечественной, отнесшейся к автору более благосклонно. Рецензент журнала “Печать и революция” (1922, № 2–3)⁶ признал за книгой значение “человеческого документа”, “попытки весьма сведущего человека нарисовать картину душевного разложения целого слоя ‘зеленой’ молодежи, которую старые деятели ‘того берега’ склонны считать продолжателями своего обреченного дела”» [7, с. 170].

На самом деле, эпизодов «истинной жизни» Владимира Рындрона в романе оказалось не так уж много: большинство этих историй было позаимствовано из чужих свидетельств и лишь облечено в квазиисповедальную форму откровения «голой, истерзанной души». Специфику этого жанра «человеческого документа»⁷, где чужие истории выдаются за свои собственные, а факты личной биографии либо передергиваются, либо умалчиваются, раскрыл в романе «Распад атома», также написанном в жанре циничной псевдоавтобиографии, Георгий Иванов: «Человеческий документ подложен» (цит. по: [13, с. 17]). Выхода в свет «Записок мерзавца», однако, оказалось достаточно, чтобы утвердить литературную моду на «повесть о современном “лишнем человеке”»⁸, пережившем революции и Гражданскую войну и оказавшемся в беженском положении на чужбине.

Предшествовавший публикации книги переезд Ветлугина из Парижа в Берлин, его перемещение из резко антибольшевистского «Общего дела» В. Бурцева в сменовеховскую и достаточно просоветскую газету «Накануне» Ю. Ключникова и Ю. Потехина – на пару с Алексеем Толстым – был воспринят как черта времени и, как ни печально, в качестве показательного примера самоопределения «лишнего человека» в эмиграции.

---

⁴ Объявление о выходе книги было напечатано в выпуске газеты «Накануне» (Берлин) от 30 апреля 1922 года.

⁵ «Один раз, помню, принес книгу – “Записки мерзавца”, не помню автора. – Вот, читай» [7, с. 170].

⁶ Здесь называются отзывы Романа Гуля [8, с. 13–14] и Р. Головина [9, с. 224–225]; «Р. Головин» – псевдоним Вяч. Полонского; обе его статьи из «Печати и революции» вошли в виде одного очерка в книгу: [10]. Возможно, Гулю принадлежит еще одна рецензия: [11, с. 16]. О книге также высказался И. М. Василевский (Не-Буква) [12, с. 4].

⁷ Р. Гуль обращал внимание на тождественность автора и «героя» романа: «Прежде всего о художественном методе. Ветлугин взял наиболее банальный. Вся книга – “случайно найденные” записки. Но и этого он не выдержал. “Найденности” записок не ощущаешь. Везде – Ветлугин. Воображаемый же автор – “герой” романа – лицо безглагольное, неживое» [8, с. 13].

⁸ Другое, помимо «человеческого документа», определение Полонского, данное «Запискам мерзавца» [9, с. 225].

Журналист Ефим Ратнер писал фельетонисту Александру Яблоновскому 3 апреля 1922 года из Парижа в Берлин:

Газетная братия бедствует и побирается. Надежд и сколько-нибудь ясных планов – никаких. Ветлугинщиной заражены почти все; если бы Ключников только поманил – со всех ног бросились бы. «Накануне» здесь, понятно, злоба дня. Любопытно, при каких обстоятельствах произошло грехопадение; не сообщите ли?

Ветлугин, по-моему, глуп, и, при всем своем цинизме, неопытен, как щенок. Он должен был бы хоть бурцевские башмаки износить – плохонькие, правда, но все же башмаки. Такие вольтфасы⁹ даже в наше мерзкое время пройти бесследно не могут, и это Ветлугину ох как припомнят! <...>

Толстым здесь кое-кто возмущается больше, чем Ветлугиным, – почему, не знаю. Толстой тот же Ветлугин, только талантливее; и вообще, всякий Дон Кишот выбирает себе Санчо-Пансу по вкусу [14, с. 659–660].

Присутствие Ветлугина в биографии Алексея Толстого более чем ощутимо. По свидетельству Ивана Толстого, в их семье у Ветлугина была репутация «негатива» автора «Хождения по мукам» и «Гиперболоида инженера Гарина», оборотной стороны той же медали, «злого гения». Характерно, что Ветлугин стал узнаваемым прототипом персонажей прозы Толстого, о котором слышал еще в дореволюционной Москве¹⁰, с которым подружился в редакции «Общего дела» и вслед за которым, по утверждению Дона Аминадо, устремился из Парижа в Берлин¹¹.

В рассказе Толстого «Чёрная пятница» (1923), по предположению Елены Толстой, Ветлугин выступает прототипом писателя Картошина [18]:

Картошин был молодой писатель. Его слава началась в Ростове-на-Дону с газетного фельетона «Рассказ очевидца». Даже в те дни гражданской войны он царапнул по нервам читателей. С тех пор царапанье стало его специальностью. В Берлине о нем напечатали статью, где сравнивали его с Эдгаром По. Картошин переживал свою славу спокойно и трезво, оценивая ее не литературную, а главным образом денежную сторону. Он не был романтиком. Литература приносила скудные доходы. Хотя, за неимением иного, не плохое было и это занятие [19, с. 185].

---

⁹ Здесь «поворот кругом» (от фр. «volteface»).

¹⁰ Рассказывая в очерке «Последняя метель» о дореволюционной Москве, Ветлугин вспоминал свою беседу с поэтом Константином Большаковым, который «рассказывал о совместных обедах с Кузминым, проводил вечера поэтов в кафе “Бом”, где тепло, накурено, шумливо и где против Алексея Николаевича Толстого в гипсе сидел Алексей Николаевич Толстой во плоти и крови» [15, с. 137].

¹¹ В марте 1922 г. Ветлугин сообщил, что «весною 1922 г. переехал в Берлин (Uhlandstrasse 185-6, Pension Кноп). В апреле в изд. “Русское Творчество” должны выйти его: 1) роман “Записки мерзавца”, 2) “Распорядители игры” (герои и воображаемые портреты). В конце мая в “Универсальном изд-ве” выходит роман “Лицо, пожелавшее остаться неизвестным”. Работает над большой статьей “Две души” (Ренэ Маран и Вильгельм Бонзэнс)» [16, с. 35]. Это сообщение было несколько неожиданным, поскольку в выпуске того же журнала, вышедшем в начале февраля, давалась информация о нем как о постоянном жителе Парижа (и был указан адрес редакции «Общего дела»): «А. Ветлугин (Влад. Ильич) живет в Париже (142, rue Montmartre “Cause Commune”). Участвует в газете “Общее дело” и “Руль”. В июле 1921 г. вышла его книга “Авантюристы гражданской войны”, в январе 1922 г. в издании “Франко-русской Печати” <-> книга “Третья Россия”. Весною с. г. в издании “Русское Творчество” должна выйти его книга “Записки мерзавцам. Во втором альманахе “Граней” печатается его статья о новом французском романисте Рэнэ Маран» [17, с. 40]; там же на с. 36 было напечатано объявление о возникновении издательства «Русское Творчество», где Толстой указан «редактором литературного отдела», и книга «Записки мерзавца» заявлена как «предполагаемая к выходу».

В романе «Черное золото» (1931; переименован в 1940 г. в «Эмигранты») Ветлугин появляется в образе журналиста Владимира Лисовского:

...сообщая сведения о Лисовском, Толстой явно контаминирует черты нескольких своих знакомых, однако, основа, канва этого образа просматривается с достаточной определенностью. Описание внешности – «<...> молодой, бледный, медлительный человек. <...> в синих глазах дремала ледяная тоска», описание характера – «фантастический нахал и ловкач», сведения о герое – «довольно известный на юге России журналист <...>», позволяют предположить, что за персонажем, фамилия которого суть производное от «лис» или «лиса», скрывается человек, Толстому хорошо известный, – Владимир Ильич Рындзюн, писавший под псевдонимом «А. Ветлугин». Новомиргорский вариант романа был еще более «просматриваемым»: Лисовский в нем популярен не просто «на юге России» – он «довольно известный Екатеринодару и Ростову журналист» (Новый мир. 1931. № 2. С. 52). Известно, что с апреля 1919 до января 1920 года А. Ветлугин заведовал редакцией ростовской добровольческой газеты «Жизнь» [4].

По приезде в Берлин Ветлугин публикует свою автобиографию в разделе «Писатели – о себе» библиографического журнала Александра Яценко «Новая Русская Книга». Его краткое жизнеописание начинается не с рождения, а сразу же в Москве в феврале 1917 года. Там, по его словам, он учился «на медицинском и историко-филологическом. Окончил юридический. Собирался “оставаться” по “истории философии права”... Но, как говорил кроткий Сергей Ауслендер: “...Когда окончится эта завиг’ушка... я напишу г’оман...”» [16, с. 41]. В новой столице Рындзюн не остался, роман «Записки мерзавца» был написан, а Москва предшествовал Ростов, о котором в своей автобиографии он предпочел не говорить. Эти предыдущие 20 лет его жизни, ростовский период биографии Ветлугина, который он старательно избегает упоминать, можно считать главной «фигурой умолчания» в его беллетристике и документальных очерках.

Справедливости ради следует сказать, что он упомянул родной город в автобиографии, но это не довоенный Ростов, а столица Добровольческой армии: «Через Волочиск вернулся в Киев. Начал искать издателя для сборника стихов. Но гетман Скоропадский объявил всеобщую мобилизацию. <...> Бежал обратно на Дон, в Ростов. До февраля 1919 г. бил баклуши, ходил в кофейню и писал стихи. В феврале Деникин объявил мобилизацию; спасаясь, поступил в “белую” газету. Подозревали в большевизме, подписывался “Д. Денисов”» [16, с. 41]¹².

В отличие от его сотрудничества с ОСВАГОм и активной деятельности в газете Добровольческой армии «Жизнь» Ю. Н. Семенова на протяжении 1919 года, что подробно прослеживается по его статьям, о довоенном ростовском периоде жизни Рындзюна известно всего ничего: «Он родился 24 февраля (8 марта) 1897 г. в Ростове-на-Дону в семье врача Ильи Галилевича Рындзюна; там же в 1914 г. с золотой медалью окончил гимназию, после чего отправился в Москву», где, в том числе, «писал корреспонденции и литературные обзоры для родной ростовской газеты “Приазовский край”» [2, с. 5–6].

Собственно, полноценный «литературный обзор» Рындзюн написал только один, вернувшись в Ростов зимой 1916/1917 года со свежими эмоциями, вызванными знакомством с московской литературной, прежде всего поэтической, жизнью [20, с. 4] (см. приложение к этой статье). Впечатление, произведенное на него московской богемной публикой, в особенности стихотворцами, запомнилось ему надолго: некоторые герои его статьи позже обернутся прототипами персонажей

¹² Именно «Д. Денисов», а не «А. Ветлугин» был его основным псевдонимом до появления в Париже в октябре 1920 года.

«Записок мерзавца», а в роли самих себя они эпизодически появляются в его заметках и выходят на авансцену в очерках «Последняя метель»¹³ и «Образы расплавленной Москвы»:

С именами Шершеневича, Конст. Большакова, Николая Асеева, Боброва, Пастернака <...> связана новейшая эпоха. Для этого поколения уже не существовало тихих зорь. Шершеневич еще кое-что сохранил по детской памяти, кое-что слышал от отца, от его друзей. Остальные – чистейшие скифы, мешочники от поэзии. Когда те, другие, настоящие мешочники, слезут с крыш вагонов и научатся читать – их любимым поэтом будет, конечно, не Блок (человек для них явно ненужный), не Клюев, не Есенин, не Орешин (русаки какой-то умопомрачительной, чисто немецкой реконструкции), не Андрей Белый, не Валерий Брюсов, не Вяч. Иванов (плеяда, тщетно старающаяся подновиться). Мешочники для выборов короля поэтов придут в Политехнический музей в Москве, в Тенишевское училище в Петербурге. В Петербурге их встретит матерной бранью Маяковский, и они легко поймут друг друга, в Москве выбор будет труднее: все – метры, все искушены, все – подготовлены [15, с. 137].

Форма годового поэтического обзора была введена в литературный обиход Валерием Брюсовым в журнале «Русская мысль». В своих доскональных изложениях литературного года он неизменно стремился к тому, чтобы отметить наиболее значительные поэтические книги вне зависимости от литературных направлений и групп, к которым могли принадлежать их авторы. Для своих целей Рындзюн отбирает – в пик упомянутым в самом конце его разбора критикам – исключительного представителей модернизма. Разъясняет он свой подход в самом начале статьи: «Достигнут *средний культурный уровень* поэтического мастерства: из ложбин неумелой шершавости мы поднялись до холмиков умелости...». Отдав дань мэтрам символизма, в том числе и Брюсову, он отдает предпочтение другим поэтам, с которыми связывает будущее русской поэзии, например, Константину Большакову и Сергею Боброву, колоритные портреты которых Ветлугин воссоздал в «Последней метели». Боброва он представляет как следующего Брюсова, при этом приписывает его не к футуризму, ни даже к «Центрифуге», а объявляет его вождем несуществующего направления, «эклектизма», воспользовавшись термином Брюсова, который в обзоре «Новые течения русской поэзии» («Русская мысль». 1913. № 8) отнес Боброва к «эклектикам» [22, с. 405–406]. Впрочем, здесь же Ветлугин называет его «русским Маринетти»:

У каждого движения должен быть свой Валерий Брюсов. В эклектизме есть нечто непреодолимое для сырых московских телес. Москва не любит скромности кропотливых работников; тихая радость правды для себя непонятна в кривых переулках Арбата. <...> Не выдержала и поэзия молодой России...

Весь он съезженный, нахмуренный, будничней. Носит светлые пенсне, а посмотришь на него – словно в дымчатых очках. Всем недоволен, брюзжит, плюется; Сергей Бобров – ничего не поделаешь. Жить ему сравнительно легко. Со всеми переругался, всех заплевал, заложил руки за спину и идет по Пречистенке – здороваться больше не с кем. Основал книгоиздательство «Центрифуга», возвестил длинный ряд книжищ малоизвестных молодых людей земгусарского выпуска. Откопал где-то артиллерийского офицера Аксенова, у того оказались деньги, стихи и трактат «Пикассо и окрестности»... Сел писать «житейскую философию», вышли библиографические заметки. Пришел возражать на лекцию – получился конфуз. Какой-то Епиходов футуризма. Слова – настоящие, а получается смешно. До фран-

---

¹³ В объявлении о выходе книги «Третья Россия» очерк фигурирует под расширенным заглавием: «Последняя Метель (поэты, учителя жизни, университет, последняя Москва)» [21, с. 3].

цузского языка добирается – беги без оглядки. Запас французских терминов необычайный, сногшибательный, но произносит все буквы...

Московские просвирни, которых Пушкин рекомендовал в качестве учителей русского языка, не могли не произвести на свет Божий Сергея Боброва. Русский Маринетти не может не сидеть на собственной шляпе [15, с. 140].

В таком субъективном выборе можно усмотреть направление поэтических поисков самого Рындзюна, вероятно, тогда занимавшегося сочинительством стихов, возможно, «эклектичных», но без сомнения – модернистских – и собиравшегося издать сборник стихов в 1918 году в Киеве, как он между делом сообщил в берлинской автобиографии. Помимо этого, диапазон оценок Рындзюна в его литературном обзоре в первую очередь основывается на степени его личных знакомств.

Впрочем, здесь он пишет далеко не обо всех, встреченных им на московских поэтических вечерах. Например, в обзоре не говорится ни о Маяковском, которого Ветлугин вспомнит в главе «Анархисты» в «Авантюристах гражданской войны» (Париж, 1921): «Маяковский бил кого-то по морде и ходил в оранжевой кофте» [15, с. 74], – ни о Бурлюке, который, в свою очередь, напишет в одной из своих автобиографий: «В 1915 году умер мой отец. В этом году мы владели маленьким старинным имением Михалево около станции Пушкино. Здесь у меня В. Хлебников, который с 1918 года жил у меня годами. Познакомился с А. Ветлугиным» [23, с. 44].

Обзор «Русская поэзия в 1916 г.» выделялся в литературно-критическом разделе «Приазовского края» одновременно ракурсом и перспективой. Рындзюн рассматривал поэтическую продукцию минувшего года отстраненно – не как полноценный участник, но и не как осуждающий критик. Это ракурс стороннего наблюдателя, заезжего из провинции, попавшего на серию литературных вечеров в самый разгар Великой войны, взгляд человека, интересующегося поэзией и неожиданно оказавшегося на «пире во время чумы». Впечатления его от этих обстоятельств «новой эпохи» русской поэзии оказались настолько сильными, что, описывая Москву 1916 года в «Третьей России», у него возникла необходимость заново пережить свои ощущения.

Перспектива же заключалась в том, что Рындзюн постарался разъяснить редакции и читателям «Приазовского края», что русская поэзия заслуживала внимания даже во время войны и что модернизм во всех его проявлениях – «Мусагет», «Гиперборей», «Центрифуга» – оказался не опасен. Своим обзором он предоставлял провинциальному ценителю поэзии значительно расширенный и гораздо больший, чем можно было представить, выбор. Одновременно, рассуждая о поэзии русского модернизма, Рындзюн оттачивал выразительный стиль своего письма, впоследствии ставший отличительной чертой очеркиста и беллетриста А. Ветлугина.

Приложение

Русская поэзия в 1916 г.

Глубокие мшистые впадины, изрытые котловины замкнуты меж крутосекущих гор; их не знает возвышенная долина: лишь кажущийся тучкой горизонтный холмик выделяется среди приподнятого единообразия бугорков, черепичных крыш, зигзагами хитрящей проезжей дороги.

Созерцание холмиков рождает сплин; мы любим «уезжать в горы»¹⁴.

---

¹⁴ Рындзюн обыгрывает мотив «Бэлы» из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Давно отзвучали «волчьи завыванья гиперборейского певца»¹⁵ русской поэзии. Воинствующий юный Мусагет¹⁶ сказал последнее слово, и пришла пора успокоенья, успокоенья без отдыха. По слову В. Иванова –

Она пришла со своей кошницею
Пора свершительных отрад
И златотканной багряницею
Наш убирает виноград...¹⁷

Достигнут *средний культурный уровень* поэтического мастерства: из ложбин неумелой шершавости мы поднялись до холмиков умелости...

Теперь все усилия творческой воли нужно направить на превзойдение собственной дешевой культурности, которая неким трафаретным каркасом прикрывает индивидуальные корни. Мы вступили на путь, идущий в горы, и отсюда разливающаяся тоска по вожатом¹⁸ – гении-синтетике.

Как бы не позабыть о пророческом предназначении, как бы не увлечься лаврами ремесленника? Ведь иначе видение на пути в Дамаск грозит обернуться привидением, обращающим Павлов в Савлов...¹⁹

Такие мысли роятся при ретроспективном созерцании в частности истекшего года русской поэзии.

Сотни две книг, книжечек, брошюр... Почто на всех печать лоска.

Валерий Брюсов и... Вл. Нелединский <—> оба во всеоружии ритмов и форм.

---

¹⁵ Перефразируя эпиграмматический инскрипт (1888) А. А. Фета Ф. Е. Коршу на третьем выпуске его «Вечерних огней»: «Камен нетленные созданья / Душой усвоив до конца, / Прослушай волчьи завыванья / Гиперборейского певца», Рындзюн метит в деятельность петербургского Цеха поэтов и издательства «Гиперборей», которое возглавлял поэт и переводчик М. Л. Лозинский, прежде основатель и неизменный редактор одноименного журнала, закрывшегося к 1916 году.

¹⁶ Рындзюн иронизирует относительно консервативного символистского издательства «Мусагет» и существовавшего вокруг него литературно-философического кружка «Молодой Мусагет» (секретарь А. М. Кожебаткин), собиравшегося в студии скульптора К. Ф. Крахта в 1910–1913 годах. Деятельными участниками кружка были Ю. П. Анисимов, В. О. Станевич, С. Н. Дурылин, С. П. Бобров, А. А. Сидоров; гостями – М. И. Цветаева, Андрей Белый, Б. Л. Пастернак.

¹⁷ Из прелюдии с гётевским названием «Proömion» («Вчера во мгле неслись титаны...») к «Книге лирики» Вяч. И. Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1902–1903).

¹⁸ Образ из стихотворения М. А. Кузмина «Находит странное молчание...»: «Случится всё, что предназначено, / Вожатый нас ведет. / За те часы, что здесь утрачены, / Небесный вкусим мед», вошедшее в цикл «Плод зреет» в сборнике «Вожатый» (СПб., 1918; первоначальное заглавие «Гонцы»), впервые напечатанное в третьей книге журнала «Северные записки» за 1914 год; в автографе сохранилось посвящение Вс. Г. Князеву: «Всеволоду моему» [24, с. 731].

¹⁹ Имеются в виду строки из стихотворения Брюсова «В Дамаск» (1903) из сборника того же года «Urbi et orbis»: «Водоворотом мы схвачены / Последних ласк. / Вот он, от века назначенный, / Наш путь в Дамаск!», – которое определило тему для других произведений этих лет: «В поэзии той эпохи, проникнутой неким мистическим эротизмом, Дамаск стал обозначением чувственной страсти, уподобляемой религиозному экстазу. Еще в 1903 году Брюсов написал элегию “В Дамаск”, а Сологуб в 1921-м опубликовал эротическое стихотворение “Предвестие отрадной наготы...”, где говорится о “святом Дамаске”. В конце первой части “Поэмы без героя” Анна Ахматова говорит о своей героине, возвращающейся с любовного свидания: “<И дождался он. Стройная маска /> На обратном ‘Пути из Дамаска’ </ Возвратилась домой... не одна>...” [25, с. 107]; у Ахматовой «Путь из Дамаска» – спектакль, поставленный с участием Глебовой-Судейкиной в петербургском кабаре «Бродячая собака».

Холмики делятся явственно на две группы: будирующих и потенциально самовлюбленных. Начнем с последних. К ним, увы! принадлежит и «человек, которого жаль»²⁰ – Игорь Северянин; изданные им книги – «Поэзоантракт» и «Гост безответный»²¹ являют неприкрытый разговор под публику; уже года два перебрался маститый герой на авансцену собственной личности и, не стесняясь, слушает хрипло-шепчущего суфлера: суфлер, понятно, вкусы стереотипов, наполняющих поэзоконцерты. Спрос родит предложение.

В ту же графу занесем бездарностей, юродствующих о Северянине – Королевича, Толмачева, Журина, Чурилина et cet<era> (имена их Господи веси).

Ярко самовлюблены и русские парнасцы, сгруппировавшиеся под знаменем «Гиперборея» и (частью) «Альционы». Ник. Гумилев, Г. Иванов, Г. Адамович, <О.> Мандельштам, <М.> Лозинский, К. Липскеров – равно жеманны, равно застыли в своей жестоко-привешейся экзотике. Особенно это относимо к «Самаркандским» стихам Липскерова («Роза и Песок»), тянущих вековой *gefraine* французских ориенталистов.

Богородица этой группы Анна Ахматова («Четки») продолжает играть на своем инструменте, имеющем (по слову В. Брюсова) лишь одну струну²², – приторной миниатюрной чувственности, унылой и блеклой. На той же струне, лишь еще

---

²⁰ Обыгрывается название уничижительного фельетона А. В. Амфитеатрова, написанного в ответ на «предложение высказаться об этом новом и, кажется, весьма многошумном явлении российского Парнаса» для газеты «Русское слово» и напечатанного в выпуске от 15 мая 1914 года. Амфитеатров разбирает два сборника Игоря-Северянина: «Громокипящий кубок» (М., 1913) и «Златолира» (М., 1914).

²¹ «Поэзоантракт» был напечатан московским издательством «Наши дни» в конце 1915 года (на обложке – 1916 г.). «Гост безответный» был издан как «Том шестой Собрания поэз» в издательстве В. В. Пашуканиса; половина тиража вышла в обложке Д. И. Митрохина; вторая половина – в обложке Н. И. Кульбина. Неологизм «Поэзоконцерт» послужил заглавием сборника Северянина 1918 года, выпущенного московским издательством «Промышление народа».

²² В печатных отзывах Брюсова на поэзию Ахматовой такой характеристики нет. В его отзыве на «Четки» звучит похожая нота: «...поэтический горизонт “Четок” почти тот же, что и “Вечера”, и теперь уже можно опасаться, что он так и останется довольно ограниченным. Это, конечно, не изменит абсолютной (художественной) ценности творчества г-жи Ахматовой, но не позволит ее поэзии получить значение всеобщее. Поэт будет “пить из своего стакана”, но этот стакан будет “мал”» [26, с. 19]. 17 июля 1914 г. Ахматова провидчески извещала Н. С. Гумилева: «С недобрим чувством жду июльскую “Русскую мысль”. Вероятнее всего там совершит надо мною страшную казнь Valère. Но думаю о горчайшем уже перенесенном и смиряюсь» [27, с. 186; 28, с. 212]. Существующие упоминания указывают на «устную реплику» Брюсова об «инструменте, имеющем лишь одну струну» со ссылкой на рецензию Рындзюна [29, с. 127; 30, с. 7]. Замечу, что реплика Брюсова, вероятно, является полемическим выпадом в отношении известной статьи Н. В. Недоброво «Анна Ахматова», напечатанной в «Русской мысли» год спустя после рецензии Брюсова на «Четки» (1915. № 7), точнее – следующей сентенции: «Сказанным предопределяется безразличное отношение Ахматовой к внешним поэтическим канонам. Наблюдение над формой ее стихов внушает уверенность в глубоком усвоении ею и всех формальных завоеваний новейшей поэзии и всей, в связи с этими завоеваниями возникшей, чуткости к бесценному наследству действительных поэтических усилий прошлого. Но она не пишет, например, в канонических строфах. Нет у нее, с другой стороны, ни одного стихотворения, о котором бы можно было сказать, что оно написано исключительно или главным образом, или хоть сколько-нибудь для того, чтобы сделать опыт применения того или этого новшества или использовать в крайнем напряжении то или иное средство поэтического выражения. Средства, новые ли, старые ли, берутся ею те, которые непосредственно трогают в душе нужную по развитию стихотворения струну» (цит. по: [31, с. 260]).

расстроеной, играют и подражательницы Ахматовой, – Лесная, Парнок, Цветаева, Серпинская.

В поисках духовного родителя перечисленных самовлюбленных подходим к Валерию Брюсову. Само собой разумеется, рассеянные в детях черты не просто складываются в Брюсове. Брюсовская целомудренная строгость чеканки, умудренный выбор слов, брюсовский недостижимый ритм делают «Семь цветов радуги» большой и вперед идущей книгой; но Брюсову никогда не приходят на ум достижения тех высот, с которых девять из десяти раз срываешься, но в десятый, когда достигаешь, ощущаешь себя победителем собственной плохости, срывателем собственных каркасов.

Оттого с невыразимой горечью сознаешь, что с каждым годом все дальше от нас уходит Брюсов, все меньше занимается сокровеннейшим. Оттого Вяч. Иванов и Андрей Белый неизмеримо сильнее дают услышать грохот обваливающихся стародавних устоев в их песнях «про древний хаос, про родимый»...²³

Если к ним прибавить Ал. Блока, то мы получим триаду истинно будирующих: в Блоке допекает себя уходящая Россия, в нем мерцание ночных зарниц сменяется отсветом робко-крадущейся зари. Он – нечаянная радость русской поэзии.

Из молодых «будирующих» отметим К. Большакова («Поэма событий»; «Солнце на излете»).

Он уже ушел из-под власти трех пошехонских сосен²⁴, и его приятие города идет через преодоление городского сплина²⁵. Блоковски лирически настроенный, он истинный футурист в смысле урбанистического мирозерцания и свободы обращения с формой.

Думаем, что от Большакова можно ждать и «настоящих книг».

Крайняя группа «Центрифуга»²⁶ во главе с С. П. Бобровым обладает одним органическим недостатком – страстной догматичностью. Право, обидно, когда талантливые Пастернак и Асеев превращают поэзию в ристалище поэтических толков, становясь рядом с бездарью, вроде Вермеля, Каменского и пр.

По весям и пажитям мчится русская Камена. Примелькалось ей однообразие. Назойливо цепляют бугры, но все же (вопреки всех Чуковских и Коганов разглагольствований) приближается она к обетованным горам.

Список литературы

1. Полонский В. П. [Рец. на кн.: Ветлугин А. Третья Россия. Париж, 1922. 395 с.] // Печать и революция. 1922. Кн. 8, ноябрь-декабрь. С. 231–232.

2. Николаев Д. Д. Ибикус, или жизнь и смерть А. Ветлугина // Ветлугин А. Записки мерзавца / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д. Д. Николаева. М., 2000. С. 5–38.

3. Толстая Е. Д. А. Ветлугин // Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. А. Зальц-

---

²³ Из стихотворения Ф. И. Тютчева начала 1830-х годов «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: «О! страшных песен сих не пой! / Про древний хаос, про родимый / Как жадно мир души ночной / Внимает повести любимой!».

²⁴ Рындзюн отсылает читателей к примечанию М. Е. Салтыкова-Щедрина к «Пошехонской старине» (1883) – одному из «Пошехонских рассказов»: «Прошу, однако ж, читателя не принимать Пошехонье слишком буквально. Я разумею под этим названием пошехонскую страну вообще, то есть страну, в которой, по старинному народному преданию, в трёх соснах заблудиться можно» [32, с. 477], – «под властью трех пошехонских сосен» означает здесь глубокую и непреодолимую провинциальность.

²⁵ В оригинале порча текста: вместо «сплина» набрана распространенная русская фамилия – «Силина».

²⁶ В оригинале: «Крайняя группа “Центрифуги”».

- берг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. Кн. 2. С. 76–95.
4. *Белобровцева И. З.* Лицо не в фокусе (к проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quarterly. 2002. № 2. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml> (дата обращения 12.12.2016).
5. *Белобровцева И. З.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо» // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / Сост. Я. С. Левченко. СПб., 2011. С. 205–231.
6. [Толстой И. Н.] Исторические путешествия Ивана Толстого. Берлинский перекресток: Ледяные глаза. URL: http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/1308733/brand_id/60677/ (дата обращения 12.12.2016).
7. *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.
8. Новая русская книга. 1922. № 10 (1922). (Берлин)
9. Печать и революция. 1923. Кн. 2, февраль-март. (Москва)
10. *Полонский В. П.* Уходящая Русь. Статьи об интеллигенции. 1920–1924. М., 1924.
11. *Р.* Плохая книга // Веретеньш. 1922. № 3. С. 16. (Берлин)
12. *Василевский (Не-Буква) И. М.* Современники («Записки мерзавца» А. Ветлугина. Изд-во «Русское творчество», Берлин, 1922 г.) // Накануне. 1922. № 15, 27 авг. С. 4. (Берлин)
13. *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 2: Проза.
14. Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / Предисл., публ. и коммент. С. В. Шумихина // Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. В. Е. Аллой. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 659–660.
15. *Ветлугин А.* Записки мерзавца / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д. Д. Николаева. М., 2000.
16. Новая русская книга. 1922. № 3. (Берлин)
17. Новая русская книга. 1922. № 1. (Берлин)
18. *Толстая Е. Д.* Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quarterly. 2006. No. 18. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения 12.12.2016).
19. *Толстой А. Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 3: Повести и рассказы, 1917–1923; Детство Никиты; Аэлита; Ибикус.
20. *Рындзюн Вл.* Русская поэзия в 1916 г. // Приазовский край. 1917. № 1. 1 янв. С. 4. (Ростов-на-Дону)
21. Общее Дело. 1922. № 546, 21 янв. (Париж)
22. *Брюсов В. Я.* Среди стихов 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов, Н. В. Котрелев; вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1990.
23. Давид Бурлюк. К 25-летию художественно-литературной деятельности (стихи 1898 г. – 1923 г.). Нью-Йорк, 1924.
24. *Кузмин М. А.* Стихотворения / Под ред. Н. А. Богомолова. СПб., 1996.
25. *Мок-Бикер Э.* Колумбина десятых годов: книга об Ольге Глебовой-Судейкиной / Сост. и науч. ред. Ю. А. Молок; пер. с фр. В. Н. Румянцева. Париж; СПб., 1993.
26. *Брюсов В. Я.* Год русской поэзии // Русская мысль. 1914. № 7. Разд. 3. С. 19.
27. *Суперфин Г. Г., Тименчик Р. Д.* Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1974. Т. XV (1–2), Janv.-Juin. P. 183–200.
28. *Ахматова А. А.* Н. Гумилев. Стихи и письма / Публ. Э. Г. Герштейн // Новый мир. 1986. № 9. С. 196–227.
29. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова // Русские писатели. 1800–1917: Биографи-

Биографический факт и литературный сюжет

ческий словарь. М., 1989. Т. 1: А–Г. С. 125–128.

30. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова: 1922–1966 // Анна Ахматова. После всего / Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика, К. М. Поливанова. М., 1989. С. 3–17.

31. *Ахматова А. А.* Поэма без героя / Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерер. М., 1989.

32. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. / Подгот. текста К. И. Соколовой; примеч. С. А. Макашина. М., 1975. Т. 17.

A. Ustinov

San Francisco, USA

**RUSSIAN POETRY 100 YEARS AGO,
AS SEEN FROM ROSTOV**

This article reconstructs the Rostov period in the biography of Vladimir Ryndziun (1897–1953), who is better known as «A. Vetlugin», one of the most popular writers in the Russian Berlin. The author establishes and shows how Ryndziun altered and transformed his biographical circumstances in his writings. Ryndziun's survey «Russian Poetry in 1916» reprinted here with the commentary, demonstrates his view of the Russian modernist poetry in the time of the Great War.

Keywords: biography, autobiography, plot, émigré literature, Russian Berlin, Rostov, Valerii Briusov, Mikhail Bulgakov, Sergei Bobrov, Alexei Tolstoy, World War I.

Ustinov Andrei – PhD, D. Phil, Teaches Humanities in San Francisco. A Specialist in the History of Russian Culture of the 20th Century (abooks@gmail.com)